

НАША СТРАНА

Год издания 72-й. Буэнос Айрес, 4 сентября 2020

"NUESTRO PAIS"

Buenos Aires, 4 de setiembre de 2020

No 3133

Протоиерей Герман Иванов-Тринадцатый

Памяти Белой Эмиграции...

Ещё одна столетняя годовщина... Последние годы явно живём в воспоминаниях, столетия чередуются одно за другим:

- Первая Мировая Война;
- Отречение Государя, неизбежно повлекшее за собой исчезновение великой России;
- Зверское убийство Царя-Мученика и всей Царской Семьи,

- А теперь, как вытекающее из всего этого следствие – столетие, как метко было сказано, небывалого явления, уникального, беспримерного в мировой истории: появление неизвестного доселе материка, нигде не обозначенного – России вне границ, словом – Зарубежной России. Барон Борис Эммануилович Нольд писал, не боясь быть опровергнутым: «С библейских времен не бывало такого грандиозного исхода граждан страны в чужие пределы. Из России ушла не маленькая кучка людей, ушёл весь цвет страны... Это уже не эмиграция русских, а эмиграция России».

Но прежде всего надо договориться – о чём будет у нас речь. Для Герцена, покинувшего Россию в совсем других обстоятельствах, в другие времена и по совершенно иным соображениям, существует чуть ли не противоположность между понятиями «эмигрант» и «беженец»: первое, для него, благородное звание, эмигрант – политический борец, говорит он. А беженец – некий дармоед, сбегавший в чужую страну ради спокойной, праздной и более-менее обеспеченной жизни. К беженцам у Герцена самое отрицательное отношение и не хотел он с ними иметь никакого отношения.

Уточним: для нас эмигрант не столь политический борец, как идеологический, духовный, а то, что соответствует второму герценовскому определению для нас будет называться «иммигрант», понятие которое мы никогда с Эмиграцией и с Эмигрантами не смешиваем. Итак, не будем вслед за Горьким говорить «Человек – это звучит гордо», а перефразируя его, скажем, что для нас «Эмиграция – это звучит гордо»!

«Мы в огромном большинстве своем не изгнанники, а именно эмигранты», с той же гордостью заявлял наш великий Иван Алексеевич Бунин, обращаясь 16 февраля 1924 г. к своим соотечественникам в Париже, на знаменитом вечере, посвящённом Миссии Русской Эмиграции.

На этом вечере прозвучали прямо исторические слова, настоящие программные речи, очертавшие как бы прямой путь и дух Эмиграции. И Бунин продолжил: «Миссия, именно миссия, тяжкая, но и высокая, возложена судьбой на нас», и, предвидя тернистое будущее Эмиграции, прямо пророчествуя добавил: «Знаю, многие уже сдались, многие пали, а сдадутся и падут еще тысячи и тысячи. Но всё

равно: останутся и такие, что не сдадутся никогда». Иван Алексеевич был из таких и к таким обращал он свой дерзновенный голос.

Тот же Бунин, в газете "Общее Дело", писал о подвиге Белого Движения и о его естественной продолжательнице Русской Белой Эмиграции: «Настанет день, когда дети наши, мысленно созерцая позор и ужас наших дней, многое простят России за то, что все же не один Каин владычествовал во мраке этих дней, что и Авель был среди сынов её». Великим Бунин был, естественно, как писатель, но и в не меньшей мере, как истинный идейный представитель Русской Эмиграции. Именно Белой Эмиграции, которая для нас и является единственно настоящей и о которой тут будет речь.

Итак – кто она эта Белая Эмиграция? Из России, в результате несчастного исхода Гражданской войны, примерно три миллиона русских покидают пределы родины. Уезжает цвет нации, много интеллигенции, дворян, как и простого народа, всем, кому немисливо было жить под большевицким игмом, но, самое главное, как ядро этого Исхода – множество военных и офицеров, увозящих с собой представления о чести и о долге.

О чём первым делом думаешь, говоря о Белой Эмиграции? Конечно об офицерах, военных разных чинов, этой массы «благородий» и «превосходительств», бесстрашных витязей, обратившихся в одно мгновение из всего в ничто, в приютивших их странах. Странах, бывших ещё совсем недавно, союзниками, вместе с которыми за одно дело проливали кровь свою.

Не раз, вероятно, приходилось им с горечью думать о том, как Россия, за век до этого, принимала у себя французских Эмигрантов, бежавших от таких же ужасов французской революции...

Русские Эмигранты первой волны не сподобились такой же удачной судьбы. В подавляющем большинстве случаев, пришлось им вести горькую деклассированную жизнь, но тем не менее до конца дней своих на чужбине, где многие из них провели большую часть своей жизни, и уже в преклонном возрасте, сохранив офицерскую выправку, оставались и умирали всё теми же высокоблагородными и превосходительными.

В своём выступлении о миссии Эмиграции, произнесенной три недели спустя смерти величайшего злодея, «выродка, нравственного идиота от рождения», как он называет Ленина, Бунин излагает истинное мировоззрение Белой Эмиграции, в противовес столь излюбленным, но мало кого представляющим, розовым, большею частью парижским, интеллигентам, которые «будучи соперниками нынешних владык России, суть

однако их кровные братья».

Бунин приводит тут очень существенное замечание: далеко не однородной была Эмиграция. На самом деле, среди тех трёх миллионов выехавших - далеко не все были носителями Белой Идеи, далеко не все по совести и убеждению принадлежали к Белому Движению, о котором было сказано, что оно было гордым вызовом Русского Офицерства торжествующему красному хаму, святым порывом жертвенной русской молодёжи в защите попорченной исторической России. В обозе, в хвосте Белой Армии, телепалось не мало всяких шкурников, проходимцев, февралистов, среди которых не самые второстепенные виновники крушения России, как Милуков, Гучков, всякие социалисты, либералы и прочие представители «прогрессивной общественности», общегосбелыминичегонеимеющие.

Тем не менее, как только они, подчеркнём, благодаря Белым, под прикрытием отступающей Армии, выбрались в свободный мир, тут же были встречены как родные братья и будто истинные представители бывшей свободной России, встречены такими же, как они местными социалистами, либералами, масонами, имеющими в своих руках все рычаги для формирования общественного мнения и влияния на него.

Вот именно эти люди громче всех заговорили от имени Эмиграции и до сих пор голос их несётся громче всех. Среди них очутился даже сам Керенский, продолжавший до середины шестидесятых годов подавать свой голос, к которому некоторые прислушивались будто к голосу свободной России.

Белая Эмиграция не была классовой Эмиграцией. Вопреки советской пропаганде, пытающейся внедрить идею о том, что это только были бежавшие аристократы, бывшие «угнетатели народа», плакавшие о потерянных имениях и о бывшем благосостоянии – нет, водораздел между Белыми и Красными совсем иной, он был идейный и духовный.

Не «помещики» сражались с «мужиками», отстаивая прежние порядки, как это вульгарно трактовала советская историография, водораздел проходил не по социальным и классовым различиям, а коренился в области идейной и духовной. Вооруженная борьба Белых и Красных велась за душу и облик русского человека, за духовное, нравственное, культурное наследие тысячелетней России.

Для Русского человека, подвиг воинский всегда неразрывен с подвигом духовным и в этом отношении Белое движение, своим рыцарским и отчаянным выступлением спасло честь и совесть России и Русских.

Не будь этого спасшего русскую честь безнадёжного сопротивления большевизму тех, кто до конца

дрался за свою Россию и вынужден был оставить ее лишь под натиском неодолимых, многократно превосходящих сил неприятеля, то ни о какой миссии Белых Эмигрантов говорить было бы невозможно.

«В русском исходе /.../ ушли миллионы людей, которые рассеялись по миру, неся с собой всюду элементы старой русской культуры, спасённой от катастрофического шквала. И потому, куда бы они ни заносились, они несли с собой аромат родины, который вытравляется дома огнём и мечом», писал Владимир Христианович Даватц, видный публицист, бытописатель русского Исхода и в особенности галлиполийского сидения, один из близких помощников генерала барона П.Н. Врангеля.

Белая Эмиграция ставила перед собой и детьми задачу охранения русской культуры, языка, православной веры и русских традиций с твёрдой убеждённостью, что когда-нибудь всё это понадобится России и не пропадёт зря. Многие десятилетия жили с такой мечтой и надеждой, что смогут принести посильную помощь будущей России...

Уместно упомянуть тут правдивое слово философа Георгия Федотова: «У всякого народа есть родина, но только у нас – Россия».

Русская Эмиграция первой волны совершила подлинный подвиг, сохранив и обогатив традиции русской культуры. Русские Эмигранты особенно высоко оценивали свою духовную миссию.

Великий Достоевский некогда сказал, что быть Русским это быть Православным. Скажем за ним, что быть Русским это также быть Белым. Претендующий быть Русским, не будучи Белым Православным – Русским быть не может. Будет он красным, розовым, русскоязычным обывателем, – чем угодно, но не Русским в полном смысле слова. Православная вера всегда являлась духовным стержнем Русской Эмиграции.

Белая борьба не прекратилась с величественной, не имеющей себе подобной в истории, эвакуацией конца 1920 года. Она видоизменилась. От вооружённой стала духовной, идейной. Самый видный Белый философ и мыслитель Иван Александрович Ильин подчёркивал это особое свойство: «Белая Идея, выношенная и созревшая в духе русского православия, есть идея религиозная. Это есть идея борьбы за дело Божие на земле; идея борьбы с сатанинским началом в его личной и в его общественной форме. Именно такова наша Белая борьба».

Большевики в первую очередь были безбожниками, а затем уже шло всё остальное, тогда, как Белые, даже если не все это осознавали, вели борьбу за веру, - это было одним из главных смыслов Белого Движения.

Иван Сергеевич Шмелёв, один

из самых любимых писателей Эмиграции, в статье "Душа России", также подчёркивал духовный смысл вооружённой борьбы и, затем последовавшего заграничного стояния: «Белое Движение есть отбор, отбор лучшего русского по духу, по чувствованию России, отбор того, что не мыслимо без России быть, не могло мириться с Её искаженным ликом, с надругательством над Её душой. Самое чуткое, самое живое, духовно-крепко спаянное с Россией, /.../ – вливалось в Белую Армию или было духовно с нею. Страшная жизнь делила, творя отбор. Я не хочу сказать, что там, на российской почве, осталось одно худое. Я хочу сказать, что Белое Движение захватило собой ценнейшее в национально-духовном смысле, что оно есть – отбор».

А в год столетия кончины А. С. Пушкина, Шмелёв идёт ещё дальше в послании к Сынам России: «Спросите себя, как бы отнесся Пушкин к подвигу Добровольчества? Ответ бесспорный: благословил бы подвиг, был бы его певцом, – «певцом во стане русских воинов» /.../ Живи он ныне, он сумел бы ответить на клевету, которой так щедро обливали русское Добровольчество – и свои, растерявшие чувство родины, и многие европейские «витии». Он был бы с вами, Добровольцы, – вашим Певцом чудесным»...

Мы тут умышленно не будем приводить суждения военных о смысле Белой борьбы, которыми можно было бы наполнить целые тома, а предлагаем суждения писателей, мыслителей. Белое Дело выполнялось, как с винтовкой и шашкой, так и с пером в руке, выполнялось в православных беженских храмах под духовным руководством мудрых, глубоководных архипастырей Русской Зарубежной Церкви.

Шмелёв, но далеко не он один, в частности тому свидетельство.

Очувтившиеся в изгнании писатели, будучи долгие десятилетия просто игнорированы наукой, будучи даже запретной преступной темой в Советском Союзе, стали в эти последние годы всё чаще предметом изучения литературоведов, но мало кто, изучая их творчество, отмечает идеологическую подоплёку и идейность изучаемых авторов, нередко ставивших это свойство их личности едва ли не выше своих художественных произведений. Вспомним крылатую фразу Гумилёва, дерзновенно сказавшего в ответ чекисту в канун своего расстрела: «Здесь нет поэта Гумилева, здесь офицер Гумилев».

Отмечая ныне 100-летие Эмиграции, воспользуемся случаем выразить удивление: почему эти страницы истории, судьбы этих личностей, обходятся на Западе полным молчанием, в университетские программы, даже специалистов по русской культуре, просто не входят. Кто из студентов, да и профессоров, слышал про Ледяной поход, который для специалистов по военной истории считается чуть ли не самым дерзновенным походом в мировой военной истории? Вдоволь изучают Бердяева и прочих разрушителей русской истории и культуры, а не то что его книги не читали, но даже имени И. А. Ильина не слышали.

Современный исследователь, специалист по Белой тематике профессор А. В. Бакунцев, на эту тему верно пишет: «Речь „Миссия русской эмиграции“ – одно из самых

известных, переиздаваемых и в то же время одно из наименее изученных публицистических произведений И. А. Бунина. Литература об этой речи /.../ носит преимущественно назывательно-описательный, а вовсе не исследовательский характер и притом нередко содержит фактические ошибки».

А ведь в этой речи весь Бунин, весь прославленный автор романов, принесших ему завидную и заслуженную Нобелевскую премию.

Можно ли сильнее выразить своё отношение-отвращение к катастрофе, постигшей Россию, чем эта лаконичная записка от первого января 1918 г., открывавшая книгу "Окаянные дни": «Кончился этот проклятый год!» Да, наконец кончился этот, прославляемый десятилетиями большевиками и их советскими наследниками, вплоть до конца прошлого века, семнадцатый год... Год, когда кончилась и сама Россия, чего Бунин тогда ещё полностью не знал, но явно предчувствовал: «Но что дальше? – продолжает он – Может, нечто ещё более ужасное. Даже наверное так».

А могло ли быть иначе? Могла ли Россия, рухнув, не быть ввергнутой в бездну? Вырванное предательством и обманом отречение Государя, восьмимесячное правление на редкость бездарных февралюстов с последовательным разрушением всех устоев страны, неизбежно привели к большевицкому перевороту. Как ещё раз не понять, что – не будь Февраля, не было бы и Октября? А в октябре 17-го года произошла смена одних социалистов другими. Не более.

Бунин на самом деле испытывал «истинно лютое ненависть и истинно лютое презрение к революциям», в том числе и к Февральской, что часто умалчивается. Это, в частности, была одна из принципиальных причин его разногласий с З. Н. Гиппиус, яркой сторонницей непримиримости, но непримиримости к одному только Октябрю. Совершенно верно пишет Бакунцев, что Бунин отрицал не только Октябрьскую, но и Февральскую революцию и заявлял о себе как об убеждённом стороннике генералов П. Н. Врангеля и А. П. Кутепова, полагая, что только «сильная военная власть может восстановить порядок, усмирить разбушевавшегося скота».

В отличие от него, Цветаева, судя по "Дневнику" Буниных, с опаской относилась к генералу Врангелю и считала, что сам Бунин, несмотря на близость и симпатию к нему, «не без черносотенства», имея вероятно ввиду его преклонение перед рыцарской личностью генерала Врангеля и его отвержение февральщины.

Именно тут проходил водораздел между чисто Бельми Эмигрантами и "розоватыми", принимающими революцию, но не всю и не всякую революцию. И это именно то, что сам Бунин имел ввиду в своей знаменитой речи, говоря столь метко о тех, кто «будучи соперниками нынешних владык России, суть однако их кровные братья». И не сложно определить, кто эти кровные братья, судя по их отношению к тому, что являлось квинтэссенцией Белого Духа, и которых мы отказываемся принимать за представителей Русской Эмиграции первой волны.

В уже цитированной "Душе России", Шмелёв с восторгом пишет: «Придёт день, когда блистающее имя Белый воин и сумеречное -

галлиполиец – станут для всей России священными именами русского мученика-борца и русского героя. Это придёт, и Россия встретит лучших сынов своих высокой и гордой честию: священное имя – Белый Воин – явится знаком высокого духовного отбора – новой русской аристократии».

Сопоставим это со словами Бердяева, который будто тут, в сборнике "Самопознание", глубоким презрением отвечает на восторг Шмелёва: «В Белое Движение я не верил и не имел к нему симпатии. Это Движение представлялось мне /.../ лишённым всякого значения и даже вредным /.../ Тип "белого" эмигранта вызывал во мне скорее отталкивание. В нём была каменная нераскаянность, отсутствие сознания своей вины и, наоборот, гордое сознание своего пребывания в правде /.../ Было что-то маниакальное в этой неспособности типичного эмигранта говорить о чём-либо, кроме большевиков, в этой склонности повсюду видеть агентов большевиков. Это настоящий психопатологический комплекс, и от этого не излечились и поныне».

Реакция понятная для человека, оставшегося верным своим давним либерало-социалистическим убеждениям, и писавшим в том же сборнике: «Я высказывал мысль (в 22 году), что западные государства должны формально признать советскую власть, что таким образом прекратится изоляция Советской России и она будет внедрена в мировую жизнь, что сможет смягчить самые дурные стороны большевизма».

До Белых Бердяеву не было никакого дела и не понять ему, почему те столь сосредоточены на вопросах большевизма и борьбы с ним. Непонятно скорее то, что философ не способен был этого понять...

Понятия о Галлиполи и Лемносе, где Русская Армия нашла себе приют и простояла более двух лет после эвакуации, и где закалился особый Белый Дух, стали священными словами для Белой Эмиграции. О Галлиполи было сказано, что это гордость России, что это удивительная победа человеческого духа. Бунин писал: «Что же можно было бы думать о России, о Русском народе, не будь русской «контр-революции». Галлиполи – часть того истинно великого и священного, что явила Россия в эти страшные и позорные годы, часть того, что было и есть единственной надеждой на её воскресение и единственным оправданием русского народа, его искуплением перед судом Бога и человечества».

Бывший в юные годы народовольцем, как многие, отрезвевший после революции, видный общественный деятель и публицист Владимир Бурцев, на ту же тему писал: «Русский язык создал новое слово – Галлиполиец. Академия Наук это слово внесёт в свой словарь. Русская история в своих страницах будет говорить о Галлиполицах».

И тут, сопоставим это со мнением бывшего члена кадетской партии П. Н. Милюкова, оставшегося во многом верным своим дореволюционным представлениям, проименовавшего Галлиполицкий лагерь «Кутеповским застенком» и кощунственно призывавшего Эмигрантов «спасти Армию от Врангелей и Кутеповых», в редактируемой им в Париже газете "Последние новости"...

Бердяев и Милюков являлись, как бы, крайними полюсами в "не

белизне" Эмиграции. Но были также и хромавшие на одну ногу Белье, но тем не менее могущие сотрудничать с сугубо Бельми. Зинаида Гиппиус, с мужем Дмитрием Мережковским, в первые годы изгнания задумала нечто вроде Союза Февралистов, который долго не просуществовал, именно за тот акцент, который ставился на пресловутый Февраль; поэтому был ими организован приемлемый более широкому кругу антибольшевицкий «Союз Непримиримости».

Для Зинаиды Гиппиус понятия эмигрант и непримиримость однозначны, как она в 1929 году без обиняков писала в статье "Опять о непримиримости":

«Непримиримость – это само существование эмиграции, как и самого слова "эмиграция". Произнося слово "эмигрант" – мы обязаны подразумевать "непримиримый"». Сильные, вполне Белье слова поэтессы, продолжавшей однако смотреть глазами Шимены на Великую Фальшивку Февраля, как назвал один из своих трудов И. Л. Солоневич, что позволяло ей наивно упрекать Керенского в том, что он предал февральскую революцию и бросил Россию на произвол судьбы... Становится понятным её неприятие личности и деятельности генерала барона Врангеля.

Вечер Миссии Русской Эмиграции, с самого своего зарождения стал пробным камнем для определения идейности мыслящей Эмиграции. Помимо самого Бунина и Шмелёва, отважились открыто выступать с трибуны на этом вечере ещё Карташёв, Мережковский, Кузьман, Савич.

Некоторые мотивировали свой отказ нежеланием участвовать на собрании со слишком правым оттенком, что в частности вызвало возмущённую отповедь Шмелёва, что «стыдно бояться таких слов, как „правый“». Реакция леворадикалов, испугавшись успеха этого вечера среди Эмиграции, не заставила себя долго ждать. В своих "Последних Новостях" Милюков разразился яростным и глумливым отчётом „Вечер страшных слов“ и передовой статьёй под заглавием „Голоса из гроба“, в которых с иронией отзывался, как о присутствующих, так и о докладчиках: «Писатели, принадлежащие к самым большим в современной литературе, те, кем Россия по справедливости гордится /.../ выступили с проповедью почти пророческой, /.../ на деле же принесли с собой только лютое ненависть к своему народу, к целому народу, и даже хуже – презрение, то-есть чувство аристократизма и замкнутости... Что значит их непримиримость? Непримиримость к чему? К кому?».

Милюков тут олицетворяет явно определённый полюс Русской Эмиграции, так что можно даже себя спросить – какое его отношение к ней? Как нельзя лучше, оправдывает он слова Бунина о тех, кто «будучи соперниками нынешних владык России, суть однако их кровные братья». Большевики, внимательно следившие за событиями в Белой Эмиграции, не замедлили найти себе ценного попутчика в лице Милюкова, „старого профессора“, как его называли, и газета "Правда" от 16 марта подхватила милюковский отчёт и перепечатала его почти слово в слово, озаглавив свою статью „Маскарад мертвецов“: «Просматривая печать белой эмиграции, кажется – какой прекрасный русский язык! – ка-

жется, что попадаешь на маскарад мертвых /.../. Бунин, тот самый Бунин, новый рассказ которого был когда-то для читающей России подарком, позирует теперь под библейского Иоанна... выступает в его чёрном плаще, как представитель и защитник своего разбитого революцией класса /.../ Здесь он не только помещик, но помещик-мракобес, эпигон крепостничества ... Он мечтает, как и другой старый белогвардеец, Мережковский, о крестовом походе на Москву».

С такими идейными противниками-эмигрантами как Бердяев, Милоков и им подобные, предложение, сделанное Горьким Сталину 17 февраля 1930 года, теряло даже своё значение. Горький предлагал засылать из СССР псевдо-антисоветчиков с целью разложения Русской Эмиграции и влияния на общественное мнение, что, кстати, обильно практиковалось и помимо его предложения. «Дорогой Иосиф Виссарионович! /.../ У нас делать им нечего. Но я уверен, что они могли бы организовать в Лондоне или Париже хороший еженедельник и противопоставить его прессе эмигрантов. Влияние этой прессы на прессу Франции – несомненно, особенно за последнее время благодаря выступлениям сволочи вроде Беседовского, Соломона и др.».

В "Переписке двух Иванов" видно насколько прямолинейные Шмелёв и Ильин далеки от того, что им представляется неким „словесным блудомыслием“ своих идеологических оппонентов из Эмиграции. В письме от 11 мая 1927 г. Шмелёв с горечью отмечает, как эти разногласия вредят той миссии, тому вескому слову, лежащим на Русской Эмиграции: «Мы же здесь, воистину, Крестоносцами быть должны. /.../ Я только знаю: велика сила эмиграции, но она растрепана: 'течения' её дробят, отвлекают в разные стороны и усыпляют – базарщиной». И полтора месяца спустя, 27 июня, ещё подробнее открывает душу свою: «Извороты мысли непродуманной и витиеватой – не принимаю, ловким словесным вывертам не внимаю. Бердяевщина, Карсавинщина, Степуновщина – все это любомудрие и самолюбование – десертники – не по времени, не по месту!».

Все эти указанные течения и 'школы' сходились в главном философско-богословском вопросе, взбушевавшим тогда общественность: пресловутое софианство, далеко не традиционное учение о святой Софии, которое нашло бурное развитие в так называемой парижской школе, под водительством протоиерея Сергея Булгакова, и существенно раскололо Эмиграцию на многие десятилетия. «Ибо – вне активности, – решение шарад словесных и канкан с подложной Софией, – последствия прежней привычки услаждаться извивами словесными. Это – блуд салонный, и хорошо, что не привлекает молодежь, видевшую столько всего!».

„Салонный блуд“ препятствовал проявлению той активности, которой особенно горел И. А. Ильин, и тормозил идеологическую борьбу за Россию. Во всё том же письме, Шмелёв не гнушается прямо уподоблять дьявольщине, разыгрываемый всеми этими мыслителями и нео-учителями, спектакль: «Ох, столько теперь «мистерий» открывается и паутин сложных и подлых?! Дьявол всякие личины принимает».

Обратной почтой, 22 июня, Ильин

отвечает Шмелёву и открывает ему тайну-проект, о задуманном им журнале, и настоятельно просит его согласиться сотрудничать в этом начинании. Название журнала и подзаголовки сами за себя говорят – "Русский Колокол - журнал волевой идеи". «Журнал будет пока маленький и идейно-волевой /.../ Всё, что направлено против современных пустомудрых лжепророков – вырвано прямо из моего „философствующего“ сердца». Девять номеров журнала вышло в Берлине с 1927 г. по 1930 г.

В первом номере, представляя читателям Задание журнала, Ильин пишет тоном резко отличающимся от философствующих мечтателей и всяких попутчиков, готовых искать общие пути с новыми хозяевами России; в этом он вполне созвучен У. Черчиллю, писавшему в те же годы «большевизм являет собой самое страшное снижение человеческой морали /.../ Это – мистическая бездна, отрицание всего человеческого в душе людей».

Ильин показывает, что ничуть не намерен складывать оружие и искать, на подобие Бердяева, как и чем помочь большевикам в их искании признания со стороны мирового сообщества: «Национальная Россия нуждается в патриотической, волевой и ведущей идее. Эта идея должна установить цель всей нашей предстоящей борьбы за Россию. /.../ Первое в чём нуждается Россия есть религиозная и патриотическая, национальная и государственная идея. /.../ Без этой идеи всё скучно и половинчато /.../ всё бесцельно /.../ и культура, и искусство /.../ это есть идея великодержавной России, воздвигнутой на основах подлинно христианской, волевой и благородной государственности /.../ в этой идее /.../ высказана наша цель, наше будущее, наше величие /.../ Эта идея есть древняя и исконная Русская Идея».

Итак, годы прошли, десятилетия прошли, поколения прошли. Теперь уже век прошёл и какой итог Белой борьбе и заграничному стоянию можно подвести? Оправдано ли суждение о том, что «Первая, Белая, Эмиграция имела наибольшее право и на почет, и на девиз – “Мы не в изгнании, мы в послании”»? Каковы её плоды?

Спорить никто не будет, золотой век Белой Эмиграции за нами и имевшие место мечты в 20/30-х годов не состоялись. Россия была ввергнута на целые семьдесят лет в советский безбожный коммунизм и вряд ли когда-нибудь будет восполнен страшный урон, нанесённый России и русскому народу преступной коммунистической властью. Искусственные попытки восполнить этот пробел, этот ров, сочившийся кровью миллионов

мучеников, виден в запутанном и неясном деле обретения и 'перезахоронения' (как принято сейчас говорить) так называемых Царских мощей, 'перезахоронения' Белых вождей, генералов Деникина и Каппеля, мыслителей Ильина, Шмелёва, Великого Князя Николая Николаевича, в надежде показать преемственность всей русской истории. Но можно ли восхвалять одновременно одно и диаметрально противоположное?

Белых героев, вышедших с Великим российским Исходом, в живых больше ни одного не осталось, но есть ещё их преемники, воспитанные ими, сохранившие и хранящие их живую память.

Именно живую память, не книжную, не археологическую, а живую. Они с ними жили, они ими воспитывались. Трудно себе представить, какое счастье, и какую честь это представляет для тех, кто удостоился такой чести и такого счастья, кому дано было духовно кормиться у таких людей, подобных которым нигде вообще больше нет.

Эти люди, ведь, унесли с собою Россию, как столь трогательно писал Роман Гуль, так и озаглавив свою книгу «Я унёс Россию», ту самую Россию, которую они свято в своей душе хранили, и которая, по словам проф. И. А. Есаулова, была «нами утрачена или у нас отобрана».

Кто не умиляется при виде юношей в четвёртом или даже теперь уже пятом поколении Эмиграции, поющих во весь голос и с явной ревностью старинные патриотические Белые песни, о которых в нынешней России никогда вообще даже и не слышали? Как объяснить такой патриотический русский закал в этих юных душах? Только в полученном воспитании, передаваемом через материнское молоко, только тем Белым воспитанием, внедряемым замечательными юношескими организациями, появившимися с первых же времён Эмиграции.

Стоит углубиться в детские воспоминания и видишь лица, каковых сегодня больше не видеть, осанки, манеры – словно переносишься в иное измерение, не просто в другую обстановку прошлого, но буквально попадаешь в иной мир, мир окончательно канувший в вечность... «Только дикость, подлость, невежество не уважают прошедшего, пресмыкаясь перед одним настоящим. Гордиться славою своих предков не только можно, но и должно; не уважать оной есть постыдное малодушие», читаем мы у Пушкина в "Отрывках" из писем, мыслях и замечаниях.

Как не привести тут в заключение два последних стиха Жуковского, из сихотворения "Воспоминание": «Не говори с тоской – их нет, А с благодарностью – были!»

Трибуна Читателя

О КОРОНАВИРУСЕ, КОНЦЕ МИРА И ЛЕВЫХ ВЛАСТЯХ

Статья о коронавирусе Епископа Андрея (Эрастова, "Наша Страна" 3129) интересная, хотя и не со всем в ней можно согласиться.

Ещё в 60-е годы журнал «Православная Русь» всё время предрекал, что вот-вот наступит конец мира... Прошло 60 лет, и сейчас читаем снова те же самые заявления. Но сие ведомо одному только Господу Богу.

Не согласен я и с тем, что правительства не могут нас заставлять носить маски и пользоваться вакцинами. Могут и должны. Другое дело, что некоторые правительства пытаются использовать пандемию для продвижения своих партийных планов.

Так, например, в Аргентине, левая власть пользуется бездействием парламента и судебных инстанций, а также страхом сидящего взаперти населения, чтобы проводить экспроприации, наступать на частную собственность, ставить своих собственных ручных судей; одним словом пытаются приблизить страну к социализму, превратить её в новую Венесуэлу..

Б. Гасан

Граф А. П. Коновницын

Судьбы России

«Два убо Рима падоша, третий стоит, а четвертому не быти», сжатая формулировка-предсказание старца Филофея, инока Псковского Спасо-Елеазарова монастыря, родившегося 555 лет тому назад, основанная на том, что Москва - это третий Рим.

Через мглу веков старец Филофей предвидел исторический путь Отчизны, её религиозную миссию, возложенную на её рамена Промыслом Божиим, ибо по своей духовной структуре русский народ является третьим богоизбранным народом после иудеев и эллинов.

Плеяда русских писателей и мыслителей верила в исключительное призвание России: Хомяков, Киреевский, Гоголь, Аксаковы, Тютчев, Достоевский, Леонтьев, Тихомиров, Нилус, Ильин, и целый ряд других.

Крупный философ В. Соловьев, пользовавшийся популярностью в Европе, и слышавший за либерала в России, в своей брошюре "L' Idée russe" утверждал, что высшая цель России - служение христианству.

Россия должна к концу времён духовно возродиться и явить опять Христа Спасителя всему миру. Нет в мире ни одного народа, который пострадал бы как русский народ, ибо вся земля русская обогрилась кровью новомучеников, во главе с Августейшей Царской Семьёй, и преобразившаяся Россия станет орудием в руках Божиих, каковой была на протяжении многих веков; будет магнитом духовным, притягивающим ко Господу Богу всех кто ищет спасения.

Ещё до начала становления нашей государственности в одном греческом монастыре были обнаружены предсказания о какой-то таинственной стране на далёком севере, которая к концу времен перед воцарением Антихриста должна сыграть в духовном отношении значительную роль.

Онашем трагическом безвремении предсказывали многие святые, начиная с преподобного Серафима Саровского, святого праведного Иоанна Кронштадтского, и кончая Оптиными старцами.

После распада Советского Союза, всё осталось в своих местах, включая и Советскую Патриархию, а ностальгия по Сталине растёт как тесто на дрожжах, хотят его даже канонизировать! А при этом изверге население концлагерей достигло 20-ти миллионную цифру!

Голгофа Царской Семьи сказала не только на православном мире, но поколебала стабильность многих государств. Многие страны стали жертвами коммунистических, фашистских, нацистских, мусульманских и масонских режимов, а Россия всё стоит - правда в советском обличьи... Ибо пророчество должны сбыться!

Примечательно, что на географическом теле двух империй - Рима и Византии, сразу после их падения возникло много государств, как будто этих империй и не было!

“Судьбы Господни бездна великая”, восклицает Царь Давид. Помощь Божия тысячекратно являлась России. Католический патер Ваннутелли, из иезуитов, писал, что "Россия сильна не войском и крепостями, а её мощь заключается в православной вере".

Русский народ под животворным воздействием Православия

выковал из себя своеобразный идущий своими путями мир, существенно отличающийся от прочих народов. Идеал русского народа - "Святая Русь", и это нужно понимать не в смысле высокомерного превозношения над другими народами, а как тяготение и устремлённость к святости.

В лике святых угодников Божиих есть много особ княжеского рода; то же самое можно сказать и о боярах, посадских и о крестьянах, так как все эти сословия жили одной жизнью и одними идеалами. И так - до Петра Первого, при котором произошла ломка патриархального и православного быта.

Наше духовенство, в особенности иноки, монахи совершали апостольский подвиг просвещения, миссионерствуя по всей необъятной земле русской. Вдоль и поперёк пройдя по всем направлениям нашей Отчизны, они основывали скиты и монастыри, проповедуя истинную веру.

Со слов путешественника Таннера, посетившего Россию в 17-м веке, в одной только Москве было более 17-ти тысяч храмов, а один Успенский Собор в Москве насчитывал более 2000 икон, расписанных на стенах храма, и это помимо иконостаса и других образов.

XI-й век являлся для Руси эпохой ученичества и подражательства великой культуры эллино-византийского периода. Зато следующие века можно назвать началом самостоятельной художественной русской школы.

Русская иконография отличалась от византийской не только блеском и нежностью красок, но и мастерством стиля. Древнерусская иконопись обладала правильной рисунком, в ней отсутствовал византийский символизм, ригоризм, и излишняя вычурность. На современных греческих иконах святые смотрят не прямо на молящегося, а куда то в сторону.

Идея "Москва Третий Рим" - тезис старца Филофея предопределил и обусловил историческое предназначение России в истории судеб остального мира.

Судьбы нашей страны отзываются громом в сознании стран, повинных в русской апокалиптике тем, что выплеснули на тело России бациллы богоборческого коммунизма.

Надеюсь, что наш Государь Император Николай Второй - этот Иов Многострадальный, и Новомученики Российския выпросят у Господа Бога прощение России, которая ещё его не просит. Это всенародное покаяние должно уподобится молитве царя Иудейского Манашии, грехи которого, по его же словам, превзошли число песка морского. Находясь в мрачном подземелье ассирийском он был опутан железными кандалами и не мог поднять головы своей чтобы взирать на небо, ожидая ежедневно мучительную смерть. Но он раскаялся и по прошествии пятилетнего плена, вернулся в Иерусалим и стал снова царствовать.

Так и Россия, очищенная от множества плевел должна возродиться духовно, к концу времен сказать свое последнее слово и явить опять Христа всему свету.

Будет Царь, предъизбранный самим Господом Богом, пламенной веры, железной воли, и с могучим умом, помыслы и деятельность которого будут посвящены Господу Богу, ибо этот Царь будет пещись о взыскании "града грядущего" по предсказанию Архиепископа Феофана Полтавского.

Контр-Адмирал К. П. Иванов-Тринадцатый

Воспоминания. «РЮРИКЪ»

13

Бой 1-го августа - 2

В 4 часа утра мы закончили беконечную и тяжёлую по напряжению вахту, сдав её лейтенанту Постельникову с мичманом Ширяевым и легли, полураздевшись, отдохнуть в свои койки на юте.

Было 4.30 часа утра, я не успел ещё забыться дремотой, как услышал доклад вахтенного унтер-офицера старшему офицеру, спавшему рядом со мной, что на горизонте сзади нас виден дым.

Он приказал закатать и убрать по местам койки. Все встали и мы, офицеры, высыпали на мостик вооружённые биноклями. Начинало рассветать. Почти по корме, чуть с правого борта, прощупывалось глазом присутствие судов.

Сделали сигнал ратьером на передний мателот, для передачи по линии флагману. Глаза не отрывались от биноклей и наконец обрисовались четыре корабля, идущими одинаковым с нами курсом. Были высказаны предположения, что, быть может, это кто-либо из прорвавшихся Артурской эскадры, но какой тогда им был смысл идти на юг?

Разглядели хорошенько силуэты — не было больше сомнения, что перед нами Камимура в полном своём броненосном составе, с которым мы до сих пор не имели удовольствия встретиться.

На «России» сделали сигнал — приготовиться к полному ходу. Трубы противника, как и наши, окутались клубами чёрного дыма и все суда начали прибавлять ход. Совсем светило и было ясно, что противник, разобравший наше присутствие, а может быть и обнаруживший нас раньше, старается выйти на правый траверз. На «России» была пробита боевая тревога и взвились на всех мачтах Андреевские стеньговые флаги, поднят кормовой на гафеле, чему последовали и «Громобой» с «Рюриком».

Быть может, для интресующихся в исторических архивах найдётся описание подробного маневрирования эскадр во время боя, но у меня это не могло остаться в представлении, так как по тревоге я занял своё место в боевой рубке для управления огнём, на что и было обращено всё моё внимание. Однако в общем можно сказать, что маневрирование нашего Адмирала располагалось во время всего боя так, чтобы прорваться на север к Владивостоку, чему Адмирал Камимура всячески препятствовал и, обладая преимуществом своего эскадронного хода, выбирал для себя наивыгоднейшие позиции в смысле дистанции, а также освещения.

Все были на своих местах; развёрнуты перевязочные пункты; расстояние до противника определилось около 80 кабельтовых.

Неприятель заметно выходил на наш правый траверз, но никто не решался первым произвести выстрел, несущий разрушение и смерть себе подобным, чтобы не нарушить вежливости боя.

Наконец, после 5 часов утра неприятель сделал первый свой выстрел с дистанции около 70-80 кабельтовых и бой начался.

Прежде, чем перейти к отдельным эпизодам боя, ознакомимся с элементами дерущихся и разберём качества и недостатки сторон. Я буду говорить лишь о крупной

8" и 6" артиллерии, не принимая во внимание более мелких пушек.

Наши крейсера располагали на каждой борт: 8" орудий — шесть штук 6" орудий — двадцать шесть штук.

Японские крейсера, благодаря 8" башенным, а не барбетным, как у нас установкам, имели: 8" орудий — шестнадцать штук 6" орудий — двадцать-восемь штук.

На наших крейсерах не было ни оптических прицелов у орудий, которые ещё находились в пути из России во Владивосток, ни дальномеров Бара и Струда, которых заменяли допотопные Люжолы и хороший глазомер. Орудия японских крейсеров все были с оптическими прицелами и на всех крейсерах имелись усовершенствованные дальномеры новейшей системы.

Установка наших рюриковских 6" орудий на бортовых станках старой системы позволяли давать угол возвышения лишь на 56-58 кабельтовых, имея подъёмную дугу на последнем зубце; при боевых выстрелах большинство подъёмных дуг соскакивало с последнего зубца и орудие "заедало", что доставляло не мало возни прислуге поставить дугу на место, а некоторые орудия так и оставались "заевшими".

Обыкновенные прорезные прицелы с острыми коническими мушками на 50-ти кабельтовых совершенно почти закрывали цель и делали точность стрельбы невозможной.

Преимущество хода и однородность в элементах судов были на стороне противника. Сравнение приведенных общих данных, даёт право считать, что мы имели дело с сильнейшим противником.

По тревоге в боевой рубке должны были занять место:

Командир капитан I-ранга Трусов; старший офицер капитан II-ранга Хлодовский; старший штурманский офицер капитан Салов; старший артиллерийский офицер — автор настоящих воспоминаний; рулевой старшина на паровом штурвале; сигнальный старшина; дальномерщики и ординарцы при командире.

Сначала все находились на мостике, наблюдая за пристрелкой противника, но когда снаряды начали ложиться, командир потребовал всем войти в рубку.

Хотя ход противника не превышал наш, развитый уже до узлов 18, всё же выходы неприятельской колонны на наш правый траверз не мог совершаться быстро и головной флагманский японский корабль «Идзумо» был несколько сзади траверза «Рюрика», идущего концевым в нашей колонне. Это тот корабль и вёл пристрелку по «Рюрику» из 8" орудий, нащупывая точное расстояние.

Послышался страшный металлический треск и неприятельский снаряд вцепился в наш правый борт, в носовую часть, немного выше ватер-линии; крейсер содрогнулся, как больной от вытасченного зуба!

В мозгу пронеслась жуткая мысль и я совершенно машинально высказал её вслух: «Ну, держись Митька, теперь начинается», за что получил замечание от старшего офицера о неуместности своей шутки. Дав наибольшую установку для орудий по боевым циферблатам-указателям, я дал сигнал пристрелки, уверенный в наших недолголетях, но открыт огонь было необходимо прямо с моральной стороны для комендоров

— нет ничего более тяжёлого, как под огнём противника быть вынужденным к молчанию и бездействию. По мере выхода японской эскадры на траверз, под влиянием преимущества их хода или лёгкого изменения курса на сближение нашим Адмиралом, остальные неприятельские корабли открыли так же огонь и верные своим принципам били по нашему концевому «Рюрику». Огонь их был достаточно меток и мы то и дело вздрагивали, как нервная барышня, получая в корпус снаряды.

Вскоре попадает снаряд около правого носового 8" орудия; разметав всю прислугу он убивает плутонгового командира лейтенанта барона Штакельберга, разможжив ему голову; труп был откинут в сторону, прислуга пополнена номерами от орудия левого борта и пушка продолжала свой страшный разговор.

Через короткий промежуток времени другой 8" снаряд попадает почти в это же место, но ударяется о внутреннюю поверхность 8" податочной шахты носового бомбового погреба и зажигает краску по всей шахте, принимая размер большого пожара; столб огня поднялся на уровень фок-мачты. Старший офицер, капитан II-ранга Хлодовский, бросился из боевой рубки, чтобы руководить тушением этого опасного пожара, проникшего во внутренний организм корабля, но вскоре, следующим снарядом, разорвавшимся в этом же районе, ему перебило голени обеих ног и он был перенесён в нижний перевязочный пункт.

Прошло порядочно времени, пока трюмно-пожарному дивизиону удалось справиться и потушить этот пожар, грозивший взрывом погреба. С этого момента, механизмы пожарных средств корабля, были пущены в ход и не останавливались до конца боя.

В местах возникновения многочисленных мелких пожаров работала орудийная команда батареи и плутонгов, так как трюмно-пожарному дивизиону, напряжённая работа справляться с заделкой многочисленных подводных пробоин, была только еле-еле под силу.

Из батареи и 6" плутонгов, то и дело поступали в боевую рубку телефонные сведения о порче того, либо иного орудия; интенсивность огня слабела и чувствовалась потребность в перемене боя на другой галс, где орудия левого борта ещё были нетронуты.

Трудность запечатления эволюции эскадр и судов в бою, людям не стоящим специально при управлении курсами, заставляет меня, как я и указал уже выше, не вдаваться в подробности нашего маневрирования. В своё же время я его не зафиксировал опросом штурманского офицера.

Когда огонь переносился на другой борт, то пользовались случаем и приводили в возможную исправность пострадавшую артиллерию стрелявшего борта; но это было лишь в начале боя, когда разрушения и повреждения были ещё не столь существенными.

Открытая батарейная палуба, без траверзов и каких-либо иных искусственных прикрытий, как и на верхней просторной и свободной палубе, давала богатую пищу для осколков, рвущихся неприятельских снарядов и огню пожаров.